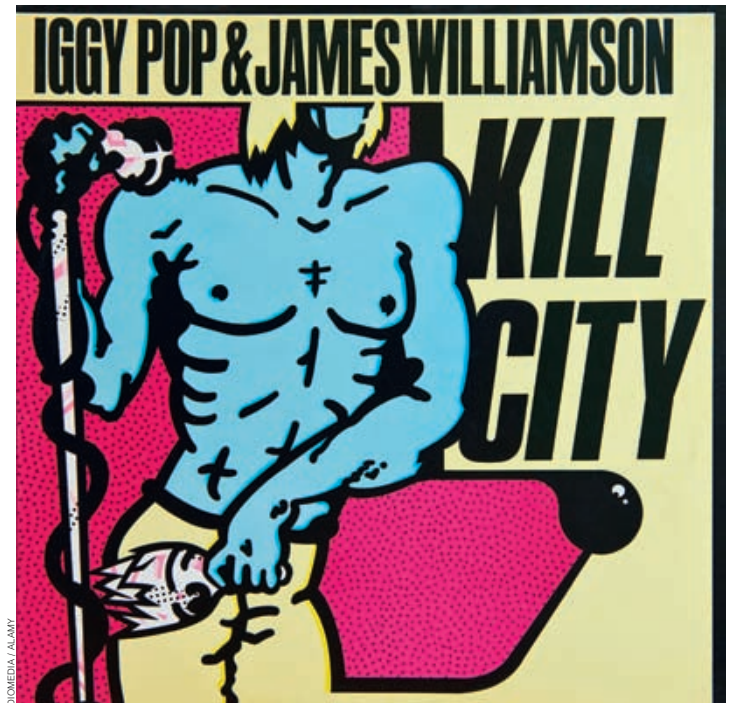

— The Doors, «Alive She Cried», 1983

диск, упакованный в конверт с постерами, не сравнится ни с каким mp3

— Iggy Pop & James Williamson, «Kill City», 1977

Даже когда пластинка выглядит так, словно ее от души повозили по полу, — играет без проблем. Новые диски, бывает, заедают без видимых на то причин, но я все равно их покупаю.

Одна моя приятельница считает это мое увлечение бременем прошлого, которое нужно скорее сбросить ради прогресса, который олицетворяют компактные цифровые технологии. Она изучала архитектуру в Австралии, где у нее выработалась почти буддийская позиция — не привязываться ни к чему материальному. Я с ней согласна: даже самая новая пластинка — нездешняя и несовременная вещь, музейный экспонат, но расставаться с этим милым мне пережитком все равно не собираюсь.

Дело не только в звучании и сопутствующих ему ритуальных действиях — переворачиваться сами пластинки до сих пор не научились, все приходится делать вручную. Диск, упакованный в красивый конверт с постерами, брошюрами и прочими сюрпризами внутри, не сравнится ни с каким бестелесным mp3. У меня, например, есть выпущенный ограниченным тиражом альбом группы Christan Bland and the Revelators с отпечатанной вручную обложкой, карандашным автографом автора и серийным номером — 129-м из 333. Мне приятно иметь такую вещь, несмотря на все связанные с этим неудобства. За последние полвека люди научились упаковывать компьютер в коробочку размером с пачку сигарет и близки к тому, чтобы объявить курение вне закона — а пластинки по-прежнему продают в конвертах 32x32 см, как во времена компьютеров размером с дом.

Музыка, вмещающаяся в mp3-проигрыватель на несколько Гб, записанная на виниле, потребует целого шкафа. И вот тут-то окажется, что мебельщики ничего о нынешней моде на винил не знают и шкафов с полками подходящей глубины не делают. Для того чтобы складывать пластинки, мне пришлось реквизировать у сына икеевскую картонную коробку, в которой хранились игрушки, — некрасивую, зато большую. Впрочем, недостаточно большую для того, чтобы вместить все мои пластинки.

С самими пластинками все гораздо проще: как ни странно, московский рынок не сильно отличается от европейского (если не считать цен, конечно). Основной источник нового винила — отделы в больших мультимедийных магазинах, где примерно 80% ассортимента составляют записи The Beatles, Black Sabbath, Queen, Radiohead и других не менее известных групп. Чтобы найти пластинки не столь популярных коллективов, придется порыться — магазины их закупают малыми партиями, поэтому сегодня есть, а завтра — нет. Лучшие по части редкостей из известных мне больших магазинов — парижский Virgin и лондонский HMV. Последний, правда,

дышит на ладан, мультимедийная торговля уходит в интернет. Есть еще Rough Trade, специализированный музыкальный магазин в восточном Лондоне с огромным ассортиментом винила и интерьером архитектора Дэвида Аджайе. Единственный его недостаток связан как раз с дизайном — ящики с пластинками установлены слишком высоко, копаться в них неудобно. Поэтому обычно я покупаю, то, что на виду, — вроде как подарок судьбы.

Торговцы старым винилом чувствуют себя уверенней — им не страшен интернет. Ведь потенциальным покупателям жизненно необходимо осмотреть и проверить б/у пластинку, прежде чем на нее решиться. Самые ценные экземпляры — это так называемый first press в состоянии mint. То есть из самого первого тиража и без видимых следов использования, в идеале — вообще в нераспечатанном конверте. Понятно, что звучать такая пластинка будет безупречно, загвоздка только в том, что ни один коллекционер не одобрил бы идею ее слушать. Однажды в одном из московских виниловых магазинов я спросила записи Ultimate Spinach, бостонской психоделической группы конца 1960-х годов. Оказалось, что за десять лет я второй человек, проявивший интерес к этому коллективу: в глазах хозяина даже забрезжило что-то вроде уважения, но триумф продолжался недолго. Стоило упомянуть, что винил будет использоваться по прямому его назначению, мужчина скривился и кивнул мне на ящики в дальнем углу — мол, если тебе нужны пластинки, чтобы их слушать, ищи там. В ящиках, конечно, был какой-то музыкальный хлам в ободранных конвертах по 300 руб. за штуку, что вообще-то грабеж.

В нераспечатанном виде я, например, храню пару альбомов коллектива под названием Thao with the Get Down Stay, а также диск Young Prisms — о существовании этого коллектива я узнала в лондонском клубе Relentless Garage, где они выступали на разогреве у Дина Уэрхама, бывшего участника группы Galaxy 500. Скорее всего, эти имена и названия не говорят вам ровным счетом ничего, и это значит, что я на верном пути — считается, что чем меньше известна группа и чем хуже она играет, тем дороже будут стоить ее записи лет через 40–50 (якобы никто эту ерунду хранить не будет, кроме пары чудачков, они и сорвут куш). Но в основном я все-таки распаковываю пластинки и слушаю — для этого они существуют. Так что между мной и коллекционерами винила разница примерно такая же, как между людьми, которые складывают марки в кляссер, и теми, кто клеит их на конверты. Но что бы ни думали об этом филателисты, марки выпускают для второй, пусть и не слишком сознательной группы граждан.

Автор — заместитель главного редактора AD